

Любовь
с разницей
в возрасте

ЭЛИЗ ВЮРМ

Красное ПЛАТЬЕ

Я хотел тебя
защитить,
Тебя хранить,
тебе принадлежать,
Я хотел к тебе вернуться

18+

Элиз Вюрм

Красное платье

<https://litres.ru/73907059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дочь позвонила ей впервые за много лет: «Я никогда ни о чём тебя не просила, но сейчас прошу: помоги мне выйти замуж».

Мэй Смит живёт в трейлере, который никогда никуда не поедет, и так и не научилась жить после смерти любимого. Она прилетает в Италию первым классом, чувствуя себя чужой на этом празднике жизни. В аэропорту её встречает жених дочери.

Океанос Вентури — высокий, с янтарными тигриными глазами и грустной улыбкой. Тирамису с шампанским, музыка по дороге к острову, разговоры, от которых перехватывает дыхание. Он слишком молод и слишком честен. И однажды он тихо признаётся ей: «Я убийца. Я убил двух человек».

Она приехала, чтобы помочь дочери. Он собирался жениться, потому что боится одиночества. Но на холодном ветру он укутывает её в свой плащ и говорит слова, после которых пути назад уже нет.

«Красное платье» — чувственный роман Элиз Вюрм о запретном притяжении, о второй жизни, которая начинается тогда, когда её уже не ждёшь, и о любви, за которую придётся заплатить.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Элиз Вюрм

Красное платье

«И мудрейший из людей не знает, как сделать счастливым страдальца, который, при том, может быть молод, хорош собой, богат, здоров и любим. Но самый последний бродяга из бродяг, дрожащий от холода и голода в лохмотьях, больной, бездомный, старый, жалкий, глупый, завистливый, может испытать мгновенный восторг и упиться им. Счастье столь же парадоксально как жизнь и столь же таинственно как смерть»

Вечной памяти М.В

Пролог

Мэй Смит летела первым классом в самолете итальянских авиалиний Алиталия. Первый класс... Ей казалось, что она села не на свое место. Мэй никогда не видела такой роскоши, это была персональная каюта!

Вчера ей позвонила дочь, и сказала ей, что она должна приехать в Италию. Она сказала ей «Я никогда ни о чем не просила тебя, Мэй, но сейчас прошу: помоги мне!».

Мэй удивилась, подумала, помочь? Я? Тебе?!

— Чего ты хочешь?

— Выйти замуж! Он не понимает, почему я позволяю тебе жить так, как ты живешь...

Глава 1

Он встретил ее в аэропорту, тот самый непонятливый человек.

— Здравствуйте. Как поживаете?

Он был очень высоким, и очень молодым.

— Здравствуйте. Спасибо, хорошо. А вы?

У него были грустные глаза, янтарно-желтые.

— И я хорошо.

Мэй не поверила ему, этот человек не умеет врать.

— Меня зовут Океанос — Океанос Вентури.

— Мэй Смит.

Он посмотрел на нее очень внимательно.

— Ваше имя говорит о многом, а фамилия ни о чем.

Она улыбнулась.

— И о чем же вам говорит мое имя?

— О Лете, о самом прекрасном времени года после Осени!

Когда они сели в машину, Океанос включил музыку, зазвучал голос Хулио Иглесиаса.

— До Вентури ехать час, потом около получаса на пароме, так как это остров, — Сказал ей он.

Давайте сначала пообедаем...

И у него громко заурчало в животе.

Мэй заулыбалась.

Он посмотрел на нее со смущением, такой молодой и красивый.

— Извините.

Они долго ехали, Мэй почти задремала сидя рядом с Океаносом на пассажирском сиденье. Италия была ослепительно красива, до боли, как красиво все то, что не будет нашим. Остается только наблюдать. И стараться не чувствовать.

Хулио пел, словно колыбельную, наверное, все песни о любви похожи на колыбельную. Тот, кто любил знает, что любовь это сон, от которого не хочется просыпаться.

— Эта песня называется «33 года», — Вдруг сказал ей Океанос.

«A veces miro hacia atrás
con la nostalgia que da
el recordar esa edad
cuando se juega a ganar»...

И он перевел для нее:

— «Иногда я смотрю назад
с ностальгией, которую приносит
воспоминание об этом возрасте,
когда играют, чтобы победить»...

Она посмотрела на него. Он был таким молодым... Впервые в жизни она позавидовала молодости.

Мэй подумала, молодость это единственное чему стоит завидовать, она бесценна! Бесценен первый осенний лист, первая снежинка, то слезы Жизни о том, что все пройдет!

Хулио Иглесиас начал петь другую песню.

— О чем он поет сейчас? — Спросила она, Океаноса.

— «Longe demais de você». — Сказал ей он, смотря на дорогу. — «Хочу видеть тебя рядом с собой»...

Мэй вновь посмотрела на него. Сколько ему лет? Двадцать пять? Около тридцати? Молодой тигр. Молодой мужчина с тигриными глазами... Она никогда не видела таких глаз, словно подсвеченных изнутри золотым светом! Человек-тигр!

Они ехали мимо пригорода, когда Океанос спросил ее:

— Мэй, вы любите сладкое?

Он посмотрел на нее с нерешительной улыбкой.

— Не знаю. — Честно ответила ему она.

Мэй вдруг подумала, а что я знаю? О себе?

— Как насчет Тирамису с шампанским?

Она тоже улыбнулась, Тирамису с шампанским...

— Хорошо!

— Хорошо?!

Океанос так улыбнулся.

Мэй захотелось смеяться.

Океанос остановился у небольшого дома без вывески. У дома не было двери, ее заменяла зеленая штора. Дом стоял в

окружении деревьев с пышными кронами, и клумб с разноцветными цветами.

Мэй захотелось посмотреть на цветы.

— Я очень люблю это место, — Сказал ей Океанос, когда они вышли из машины.

Тут делают самое вкусное Тирамису!

Она улыбнулась, сладкоежка!

— А еще тут выращивают Герань, — Добавил он, вероятно, заметив ее заинтересованность цветами. — Она пахнет как я после тренировки, но это никого не волнует!

Мэй заулыбалась, посмотрела на него. Ее дочь будет счастлива с этим обаятельным человеком.

— Вы занимаетесь спортом?

— Сават и Вин-Чунь.

Она очень удивилась, он был таким изящным, широкие плечи, тонкая талия.

— Вы можете посмотреть, как я тренируюсь.

Он иронично улыбнулся.

— У меня хороший учитель, я познакомлю вас. Его зовут Лай Цинь.

Мэй почувствовала, что Океанос любит и уважает этого человека. Он говорит о нем очень тепло.

— Разве Цинь это не фамилия?

Океанос удивился.

— Да.

— Лай и Цинь — это китайские фамилии. Разве у него

нет имени?

Странно он посмотрел на нее.

— Однажды shīfu сказал мне «Имя человека в его глазах».

— И что вам сказали его глаза?

— Sǒu — старик.

— Это место называется Osteria, — Сказал ей Океанос.

— Так в Италии называют семейные рестораны.

Он посмотрел на нее с улыбкой.

— Хороший, приятный бизнес, если бизнес может быть приятным.

Мэй удивилась, Океанос сказал ей это так, словно хорошо знает эту «кухню».

— Вы тоже занимаетесь бизнесом? - Осторожно спросила она.

— Да, с девятнадцати лет.

Он вежливо пропустил ее вперед, когда они вошли в зал ресторана.

— Мне помог отец. Он всегда мне помогал.

В голосе Океаноса прозвучало «он всегда понимал меня».

— Какой он, ваш отец?

— Uomo. — Сказал он.

И пояснил:

— Мужчина.

— Мужчина?

Мэй это заинтересовало.

Она осмотрелась — ресторан был небольшим, десять столиков накрытых нарядными скатертями, стоящие в окружении деревянных стульев с мягкими сиденьями.

— Да, — Сказал ей молодой человек. — Как в песне Хулио...

Он не договорил, засунул руки в карманы брюк.

— В песне?

Мэй стало интересно.

— «Un Hombre Solo» — «Одинокий мужчина»...

Океанос посмотрел на нее, улыбка на его губах...

— «У меня есть все,

Абсолютно все;

Тысяча друзей и любовниц

И овации в ночи»...

Ей показалось, что этому человеку свойственна улыбка, что он часто улыбается.

— Вы так говорите, словно он одинок...

Грусть в его желтых глазах.

— Никто не одинок, Мэй. Я понял это с годами.

— Никто?

Как странно это прозвучало для нее «Я понял это с годами»... Он сказал ей это как зрелый человек, поживший.

— Никто.

Голос Океаноса прозвучал тихо и граничил с шепотом.

— Одиночество, Мэй, это судьба, которую человек выби-

рает сам. И Ставрос выбрал не одиночество.

— Ставрос? Красивое имя.

— Это имя значит «крест» (распятие) — σταυρός...

Странно, но Мэй показалось, что он не прощает отца.

— Вы обижаетесь на него?

— Как сын, — Сказал Океанос. — Не как мужчина.

Она удивилась.

— Как мужчина я понимаю его, а как сын нет.

Он смутил ее, Океан.

Мэй вдруг спросила его:

— Почему вас так называли? Океанос.

— Я был их космосом...

Улыбка.

— Океан это космос, а космос это Океан!

Он так улыбался, человек-тигр, человек бездна.

— Эй, парочка, вы будете заказывать? — Послышался рядом с ними мужской голос. — Или эта греческая трагедия надолго?

Океанос засмеялся.

— «Скорее, принесите мне чашу вина, чтобы я мог освежить свой разум и сказать что-нибудь умное»!

Он так засмеялся... как море в бурю.

— Будет сделано!

Усатый мужчина стоящий за небольшой барной стойкой, кивнул кому-то.

— Здравствуйте, Счастливая! — Весело сказал ей он.
— Счастливая? — Удивилась Мэй.
— Ага, — Усач кивнул. — Это из песни...
— Вы любить петь?
— Не люблю, но пою!
— Тут все поют. — Сказал Океанос.
Она посмотрела на него.
— И вы?
— И я, — Он кивнул. — Грустные песни.
— Почему грустные?
Мэй заглянула ему в глаза.
— А я вообще грустный человек.
Она засмеялась.

Ресторан был выкрашен в красное и черное, в вертикальную полосу.

— Красное и черное это цвета футбольного клуба Милан,
— Сказал ей Океанос, вероятно заметив ее удивление и интерес. — Неро — тот тип с усами, фанат Милана и Кака.
— Кака?
— Рикки.
— Рикки?
— Oh, Dio¹...
— Вам плохо?
— Мне очень плохо... Вы правда не знаете, кто такой Ка-

¹ О, Боже

ка?

— А я должна?

— Господь, пощади эту женщину!

Мэй весело посмотрела вверх, делая вид, что ждет грома и молний.

— Он тоже фанат Рикки?

— Бог создал человека потому, что ему не с кем было играть в футбол!

Неро подал им Тирамису и шампанское.

— А почему Тирамису с шампанским? — Спросила Мэй, Океаноса.

— Потому, что они — Пара.

— Пара?

Она заулыбалась.

— Да...

Он сделал вид, что очень серьезен.

— Однажды он увидел ее, а она его и...

— И?

— И они родили много пироженок и бокальчиков с шампанским.

Мэй засмеялась.

— Он — это Тирамису?

— Нет, он — это шампанское!

Океанос улыбался.

— А она — Тирамису?

Она подперла подбородок рукой.

— Да, им всегда чего-то не хватало, ему — он был слишком сухим шампанским, ей — слишком много какао...

— Какао? — Удивилась Мэй.

— Да, оно же горькое...

Он был черноволосым, у него было темное, смуглое лицо.

Мэй захотелось спросить его:

— Почему вы захотели, чтобы я приехала?

Океанос посмотрел на нее своими звериными глазами.

— Один человек часто говорит мне: «Побеждает тот, кто свят»...

Он заглянул ей в глаза.

— Странно, не правда ли? Свят... Мы все святые, даже если грешники!

Молодой человек взял свою чашечку с Эспрессо — он не прикоснулся к шампанскому.

— Я самый грешный из святых — я верю в благо! Я верю в то, что благо это не добро.

Мэй растерялась, Океанос... да, Океан! Море развалин, и развалины моря!

«Я верю в то, что благо это не добро»...

— Вы любите маяки? — Вдруг спросил ее он. - Я — да, Бог светит Человеку только в бурю!

— Бог?

— Умиравшим издалека все кажется Богом.

Мэй захотелось сказать ему, и мне казалось...

— Я подумал, что жениться на женщине, не интересующейся своей матерью, было бы неумно.

Океанос отпил кофе.

— Как жаль, что я не могу обидеться на вас. — Сказала ему она.

Он заглянул ей в глаза.

— Почему? Не можете...

Мэй тоже заглянула ему в глаза.

— Потому, что это я бросила ее, а не она меня.

Океанос удивился, нахмурился.

— Почему?!

Она подумала, смотря на него, когда этот мужчина красивее, когда улыбается? Или когда хмурится?

— Почему, Мэй?!

Он требовал ответа.

Мэй подумала, от меня уже давно никто ничего не требует...

— Я сказала ей, если ты желаешь мне добра, оставь меня в покое!

Они долго ехали в молчании, и вдруг Океанос сказал:

— Почему?! Почему?!

Мэй удивилась, ему, словно было больно...

— Почему вы бросили своего ребенка, Мэй?!

Она посмотрела на него, ни один мужчина не поймет жен-

ское сердце, ни один! Так стоит ли объяснять?!

— Давайте все забудем?! Я — Мэй Смит, рада знакомству...

— Я понравился вам, да, Мэй!?

Океанос усмехнулся, смотря на дорогу перед ними.

— Вы испугались.

Он улыбнулся, так, словно ему это понравилось.

— Как я вас понимаю! Я тоже не люблю тех, кто мне нравится!

Глава 2

Позже, на пароме, Мэй сидела в салоне для пассажиров, и ей хотелось пойти к этому мальчишке...

Она спросила себя, чего ты хочешь? Разругаться с ним? Или сказать ему «прости»?

Она подумала, и то, и другое.

Мэй включила свой iPod и Depeche Mode «Enjoy the Silence», закрыла глаза.

Она всегда ругается с теми, кого хочет оттолкнуть. Она разругалась со всеми кто знал Астона, она даже предала их дочь!

Мэй не выдержала, встала, ноги понесли ее словно крылья. Она вспомнила «Птицей Гермеса меня называют, крылья свои пожирая сам себя укрощаю».

Мэй подумала, Бог отнял у человека крылья, но дал ему ноги, и мы летаем, по земле, ползком...

Он был на корме, стоял в стороне от толпы.

Увидев его, Мэй вспомнила как Дэйв пел «Наслаждение остается,

Так же как и боль»...

Она подумала, да, из-за этого все так ... страшно, нас преследует полиция Правды!

Мэй подошла к нему.

— Мистер Вентури?

Океанос посмотрел на нее. Вновь этот взгляд, который она увидела, когда он встречал ее в аэропорту — грустный и спокойный. Так смотрят те, кто смирился. Она видит этот взгляд, когда смотрит на себя в зеркале.

— Что вы хотели, Мэй?

Мэй почувствовала, как ветер ударил ее в лицо и растрепал ей волосы.

— Вы спросили меня, почему я бросила моего ребенка... Я хотела забыть ее отца, Океанос!

Странно Океанос посмотрел на нее, он словно испытал облегчение.

— Вы ненавидели его или любили?

— Я его недолюбила!

Глава 3

— Мой дом, — Сказал ей Океанос, когда они въехали в Вентури. — Город-крепость...

Он посмотрел на нее, улыбнулся.

— Вам тут понравится.

Мэй удивилась.

— Почему вы так думаете?

Океанос перевел взгляд на дорогу.

— Вам нужно было уехать...

Он сделал паузу.

Музыка в его машине... Мэй захотелось спросить его об этой музыке.

— Помните гравюру Доре «Изгнание Адама и Евы из Рая»? «И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят»...

Океанос посмотрел на нее вновь.

— Нас тоже выслали, Мэй!

Вилла «ΛήδαΛήδα» — «Леда») стояла на скале, над морем.

Мэй спросила Океаноса «Почему «Леда»?

— Так зовут мою мать. — Ответил ей он.

Она удивилась, Океанос не хотел говорить об этом.

Мэй обратила внимание (только сейчас) на то, как он одет — черный деловой костюм, белая сорочка без галстука, и... жилет, шелк и пурпур.

— Отец сказал мне «Любовь к женщине как морская волна, ты либо сливаешься с ней, либо отстаешь»!

— Сливаешься? — Сказала она.

— Да, Мэй, море невозможно подчинить. Если тебе кажется, что ты подчинил себе море, это значит, что то была лужа...

— Это значит, что ты ошибся. — Закончила за него Мэй.

Их встретила женщина.

Мэй поразил ее взгляд — гордый до настороженности! Она тоже была из семейства кошачьих, но, львица.

Женщина поздоровалась с Океаносом по-испански, что-то сказала ему, ее голос звучал взволнованно и нежно.

Он улыбнулся, посмотрел на нее очень ласково, и сказал ей по-английски «Здравствуй. Прости меня».

— Мэй, — Океанос перевел взгляд на нее. - Знакомьтесь, Палома — управляющая домом.

Когда он показывал ей ее комнату, Мэй спросила его:

— Почему Сильвия не встретила меня? Не захотела?

Океанос посмотрел на нее, улыбнулся.

— Вы всегда такая?

Она удивилась до смущения.

— Какая?

— Переживаете из-за того, что еще не случилось.

Мэй захотелось сказать ему:

— Боюсь, что это уже случилось.

— Не бойтесь!

Вновь улыбка, настойчивый взгляд.

— Если что-то уже случилось, Мэй, так даже лучше — вы знаете, что вам делать, вы знаете, если не как, то, от чего вам защищаться!

Да, он прав...

— Сильвия сейчас в Риме со своими друзьями, — Сказал ей Океанос. — Она приедет к ужину.

Он словно попросил ее об этом, приехать к ужину... Мэй это почувствовала, или то ее извечная неуверенность???

— Отдохните, — Сказал ей Океанос, мягко, но безапелляционно. — Распакуйте свои вещи, развесьте платья... обычные дела успокаивают!

Она подумала, ты все понимаешь...

— В одном хорошем фильме звучат такие слова: «Когда я прихожу в этот сад, созданный моими предками, я вспоминаю: как и эти цветы, все мы умираем. Чувствовать жизнь в каждом вздохе, в каждой чашке чая, в каждой жизни, которую мы отнимаем это и есть путь Воина; это и есть Бусидо»... — Сказал ей он.

Чувствуйте жизнь, Мэй, в том, что вы потеряли и в том, что вы обретаєте, во всем есть жизнь!

Это была комната в греческом стиле, светлая, воздушная, и элегантная. В ней было уютно. В ней было тепло.

Мэй нерешительно села на диван темно-синего цвета, посмотрела на столик и кресло в стиле Модерн, серебристого цвета. Очень красиво... Она живет в трейлере, чистом, но бедном. Беднота всегда стремится к чистоте, и выглядит еще беднее!

Мэй подумала, я сломалась, после смерти Астона, я сломалась...

С годами она поняла, что позволила себе слабость слабого — умирать от горя, сила сильного жить с горем, а слабость слабого, умирать от горя.

Жалеет ли она об этом? Иногда. Из-за дочери. Но только иногда!

Глава 4

Через час к ней пришла Палома.

— Океанос приглашает вас выпить с ним аперитив.

— Спасибо.

Мэй немного растерялась, для нее это слишком необычно.

— Вы не похожи на дочь.

Женщина посмотрела на нее внимательно и задумчиво.

— Да, — Согласилась с ней она. — Мы живем на одной планете, но в разных мирах.

Палома посмотрела на нее со смятением.

— Вы жалеете?

Мэй печально улыбнулась.

— В итоге каждый оказывается на своем месте, там где должен был быть. Мне нет места в ее мире, так же как ей в моем.

Она была красива, Палома... даже очень красива! Черные волосы и карие глаза, фарфоровая кожа...

— Как странно, — Сказала ей Палома. — Вы напомнили о книге, которую я читала в тюрьме.

Мэй удивилась, улыбнулась, развеселилась.

— В тюрьме?

— Да, — Красавица брюнетка заглянула ей в глаза. — «Когда я вижу человека, мне хочется ударить его по морде.

Так приятно бить по морде человека!

Я сижу у себя в комнате и ничего не делаю.

Вот кто-то пришел ко мне в гости, он стучится в мою дверь. Я говорю: «Войдите!» Он входит и говорит: «Здравствуйте! Как хорошо, что я застал вас дома!» А я его стук по морде, а потом еще сапогом в промежность. Мой гость падает навзничь от страшной боли. А я ему каблуком по глазам! Дескать, нечего шляться, когда не звали!

А то еще так. Я предлагаю гостю выпить чашку чая. Гость соглашается, садится к столу, пьет чай и что-то рассказывает. Я делаю вид, что слушаю его с большим интересом, киваю головой, ахаю, делаю удивленные глаза и смеюсь. Гость, польщенный моим вниманием, расходится все больше и больше. Я спокойно наливаю полную чашку кипятка и плещу кипятком гостю в морду. Гость вскакивает и хватается за лицо. А я ему говорю: «Больше нет в душе моей добродетели. Убирайтесь вон!» И я выталкиваю гостя»...

Она поняла.

— Сначала заканчиваются слезы, а потом добродетель.

Когда Мэй вошла в гостиную в сопровождении Паломы, Океанос сидел в кресле, а у его ног лежала немецкая овчарка.

Молодой человек вежливо встал, собака не пошевелилась.

— Это невоспитанное существо зовут Шоколад, — сказал ей он, посмотрев на собаку. — Мы давно дружим. Очень давно. И уже не пытаемся перевоспитать друг друга.

Океанос перевел взгляд на нее.

— Друзья это те, кто не пытается перевоспитать друг друга.

Он посмотрел на Палому, кивнул ей, и она вышла.

— Что вы желаете в качестве аперитива? — Спросил ее Океанос. — Ракия? Бехеровка? Узо?

Мэй улыбнулась.

— Я бы хотела попробовать все, но боюсь опьянеть, и наговорить глупостей или гадостей.

Он посмотрел на нее очень весело.

— Опьянеть это прекрасно, я уже давно не был пьян.

— У вас все впереди.

— У меня настолько все впереди, что уже позади.

Она рассмеялась.

Шоколад облизнулся и лег на бок.

Океанос подошел к ней.

— Давайте выпьем! Когда все позади, остается только пить!

Мэй посмотрела на него — ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него.

— Вы сказали мне, что Сильвия сейчас в Риме со своими друзьями... А вы... почему? Не в Риме...

Улыбка на его губах. Или усмешка?

— Мне там не рады.

Она удивилась.

— Мне нигде не рады, Мэй!

Океанос заглянул ей в глаза.

— Я убийца, я не говорил вам об этом? Я убил двух человек!

Глава 5

Она увидела его только через два дня, и когда она увидела его, она почувствовала, что ей не хватало его.

Он вошел в обеденную, высокий и изящный, одетый в белую рубашку поло и темно синие брюки, он сказал ей:

— Доброе утро, Мэй!

— Здравствуйте, Океанос. — Улыбнулась она.

— Вы не против... позавтракать со мной?

Он спросил ее об этом так тихо.

Мэй почувствовала, что ему было не просто прийти.

— Я всегда «за», — Улыбнулась ему она. — Я как Полианна: «Я считаю, что надо есть торт и получать удовольствия тогда, когда их тебе предлагают; так что я хочу посмотреть все, что могу сейчас, пока я здесь»²...

Океанос посмотрел на нее задумчиво.

— Вы так говорите... словно прощаетесь — с жизнью!

— Каждый день это прощание с жизнью, но это не значит, что мы умрем!

В его тигриных глазах отразилось смятение.

Он сел за стол, заглянул ей в глаза.

— Ваше отношение ко мне не изменилось?

² «Поллианна» (англ. Pollyanna) — роман-бестселлер американской писательницы Элинор Портер, опубликованный в 1913 году.

— Честно?

Мэй тоже заглянула ему в глаза.

— Лично мне вы ничего не сделали.

Она подумала, как трудно посмотреть в глаза...

Мэй сказала Океаносу:

— Не мне осуждать вас, не мне!

— Perché³?

— Мы все настолько не правы в чем то, что правы во всем.

Его желтые глаза потемнели.

— Тот, кто живет и ни о чем не жалеет, либо дурак, либо святой.

— А может, сумасшедший?

Угасающее солнце, там, в его глазах.

— Сумасшедшие так счастливо несчастливы.

Он улыбнулся.

— Счастливое несчастье?

Она тоже улыбнулась.

— Да, они все забыли! Нет страшнее потери, чем все забыть!

— Но ведь это такое облегчение, все забыть!

— Облегчение, Океанос, это вспоминать, и радоваться что это было!

— А если ты убил?!

Океанос нахмурился.

— Живи — вставай утром, ешь, пей, ходи на работу, лю-

³ Почему?

би, гуляй, смотри кино и... чувствуй, как прекрасно было то, что ты отнял!

Он вдруг сказал ей:

— Составьте мне компанию, Мэй.

Нота в его голосе, самоуглубление — Мэй показалось, что этот человек «вещь в себе», что он не одинок, у него есть он сам.

— Компанию?

Рассвет в его глазах.

— Мне нужно съездить в одно место. Меня ждет один человек.

Она почувствовала, что эти глаза завораживают ее, то темно, то светло.

— Разве я не помешаю вам?

— Вы — нет.

Мэй услышала музыку, прислушалась.

— Зеркало, зеркало... — Сказал Океанос с улыбкой. — Рена Джонс «Зеркало мне»...

Его глаза загорелись как солнце.

— Вы любите музыку?

Она тоже улыбнулась.

— Страстно!

Он заулыбался.

Рена Джонс пела так пронзительно.

Пахло кофе, выпечкой.

Мэй посмотрела на его руки ломающие булку.

— Вы пообщались с дочерью?

Она посмотрела на него.

— Иногда мне кажется, что я озверела.

Океанос засмеялся.

— Я серьезно, — Мэй заулыбалась. — Я ни с кем не говорю!

— Никто ни с кем не говорит, Мэй!

Он заглянул ей в глаза.

— И все умирают от одиночества!

Сильвия спала, когда они сели в машину — Мэй хотела предупредить ее... Палома сказала ей с усмешкой «Вы напоминаете мне Томазо».

Она спросила ее:

— А кто это?

— Хлеб Океаноса.

Мэй удивилась.

— Хлеб?

— Хлеб, синьора, важнее, чем любовь.

Океанос переоделся — черная футболка с V-образным вырезом горловины, темно синие джинсы.

Мэй села рядом с ним.

— Пристегните ремень безопасности. — Сказал ей он властно.

Она пристегнула ремень.

Океанос посмотрел на нее, на ее желтое платье.

Мэй почувствовала смущение — она была в этом платье когда он встретил ее.

— Вы должны использовать крем от загара, мое солнце не пожалеет вас!

Как странно это прозвучало для нее «мое солнце»... оно словно принадлежит ему, Миносу, вечный слиток золота!

Он надел солнцезащитные очки — золотые авиаторы с бежевыми стеклами.

— У вас есть очки?

— Нет.

— Я так и думал.

Он усмехнулся, жестоко и снисходительно.

Они приехали... в больницу. Большое трехэтажное здание, белое, оно показалось ей серым в ослепительном свете солнца.

Когда Мэй вышла из машины, она почувствовала на своих плечах и руках прикосновение солнца — оно прикоснулось к ней как любовник, его руки были беспощадно нежными.

— Мы идем на второй этаж, — Сказал ей Океанос, подойдя к ней. — Вы не боитесь больниц?

— А вы?

Она посмотрела на него.

— Боюсь.

С ними здоровались — все, посетители, персонал — Мэй поняла, что Океанос постоянно приходит сюда.

Они вошли в палату. На кровати лежал мальчик, подросток. Он лежал с закрытыми глазами, на голове наушники.

Океанос улыбнулся, смотря на него. Это была теплая, любящая улыбка.

Он подошел к мальчику, протянул к нему руку — его губы произнесли что-то...

Мальчик открыл глаза, увидел Океаноса, заулыбался — его глаза вспыхнули радостью.

— Padre⁴...

Мэй удивилась, отец? У Океаноса есть сын?! Сильвия ничего ей не сказала...

— Мэй, — Обратился к ней молодой человек.

Знакомьтесь — мой сын, Томазо Вентури!

Мальчик был очарователен, похож на Океаноса внешне, но темнее глазами.

— Только не называйте меня «Том», — Весело сказал ей он. Я — Томазо, «Фома», «Близнец»!

Томазо посмотрел на Океаноса с любовью.

— Однажды папа сказал мне, что я его близнец, что я не могу умереть, мне нельзя...

Он взял костыли, с усилием встал.

Мэй заметила, что Океанос изменился в лице, смотря на сына. Он хотел помочь ему, протянул руку, но встретил су-

⁴ Отец

ровый, предупредительный, недетский взгляд. Его рука упала.

— Близнецы, — Сказал ей Томазо. — Это два человека с одной жизнью, но не с одной смертью.

Когда они возвращались обратно, Мэй думала о Томазо. Этот взгляд, каким он посмотрел на отца, когда тот хотел помочь ему. Томазо не хотел сделать из отца жертву своей инвалидности.

Мэй вспомнила «Близнецы это два человека с одной жизнью, но не с одной смертью»... Ее почти шокировали эти слова, как и Океанос, она еще не поняла это — люби меня, но не умирай из-за меня!

Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Я знавал — быть может, знавали и вы — немного странные семьи, где за столом сохраняют место умершего. Здесь отвергают непоправимое. Но мне кажется, этот вызов судьбе не утешает. Надо признать, что мертвые — мертвы. И тогда мы вновь, хоть и по-иному, ощущаем их присутствие. А в таких семьях им мешают возвратиться. Из умерших делают вечных изгнанников, гостей, которые навсегда опоздали к трапезе. Траур здесь променяли на ожидание, лишенное смысла. Мне казалось, такие дома поражены неисцелимым недугом, который душит сильнее, чем горе».

Rhye — «The Fall» в машине Океаноса...

О чем этот клип? О том, что мы стали серьезны как Рак.

Мы постарели — нам кажется, что мы стали старше, но мы постарели: мы разучились просто жить и получать удовольствие от жизни!

Мэй посмотрела на Океаноса. Он вновь надел свои эффектные очки. Она почувствовала, что он расстроился.

Как странно, — Подумала Мэй. — Так любить друг друга, и так расстраивать и расстраиваться!

Они подъехали к дому.

Океанос посмотрел на сына в зеркало заднего вида.

— Сам?

— Сам, папа.

Голос Томазо прозвучал виновато и примирительно.

Мальчик открыл дверцу машины, взял костыли и выбрался из машины — не вышел, а выбрался.

Мэй стало больно за него. Ей хотелось помочь ему, но она поняла, что это ранит его.

— Вы расстроились из-за моего сына, Мэй? — Тихо спросил ее Океанос. — Вам неприятно что он инвалид?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.